

На встречу Юлия Рутберг опоздала. «Пробки», — жестко сообщила она и проследовала в гримерку. Затем оценивающе посмотрела на нас с фотографом и задала вполне логичный вопрос: «Вас что, двое?». Мы согласно кивнули. «А зачем?» — поставила она нас в тупик. «Снимать...», — робко намекнула я. «Что?! Вы меня не предупреждали! Никаких съемок! Да вы посмотрите, как я выгляжу! Это ж накраситься надо было, одеться!».

В стены родного Вахтанговского, на репетицию, Юлия Ильинична предпочитает ходить без косметики. Худая, высокая, в кожаных брюках и обтягивающем свитере, без грамма краски на лице, отчего выделяющиеся нос и скулы кажутся еще более заметными. Пока я тупо рассматриваю ее лицо, актриса сурово разговаривает с фотографом: «Значит так! Вы придете ко мне потом, когда я подготовлюсь к съемке. Понятно? А мы, — она строго кивает в мою сторону, я поеживаюсь, — сейчас пойдем беседовать. Вы там не нужны. Вы же фотограф». Игорь покорно слушает, потом уходит. «Идемте», — кивает мне Рутберг. Я плетусь следом за ней в театральный буфет, с ужасом предвкушая беседу в стиле «строгая учительница отчитывает нерадивую ученицу»... Впрочем, в стенах театра Юлия Ильинична заметно расслабляется, здороваются с кучей знакомых — с кем-то снисходительно-вежливо, с кем-то радостно обнимается и целуется. Слышен ее знаменитый голос с хрипотцой, чувствуется, что здесь она — как дома.

ФОТО ИГОРИ ИВАНДИКОВА

МЫ РЕПЕТИРОВАЛИ ЧЕХОВА В ШОРТАХ И В МАЙКАХ

— Необычный голос когда-нибудь помогал в жизни?

— Знаете, один раз меня взяли на итальянскую рекламу кухонь, и, как говорится у Пушкина, «эта минута решила мою участь». Почему-то именно тогда многие заметили, что у меня низкий голос, такая необычная тессitura. Хотя когда я училась в Щукинском, педагоги, наоборот, лупили, запрещали курить, ругались очень, обещали выгнать, уволить и так далее. Некоторые прочили карьеру разве что в театре мимики и жеста. Я жутко переживала. У меня с детства низкий голос, небольшой природный дефект — несмыкание связок, и ничего с этим не поделаешь. Но мне повезло. Актерство — удивительная профессия, в которой подчас человеческие недостатки оборачиваются изюминками, становятся чем-то «фирменным». У других-то все в порядке, звонкие голоса, а ты вот с сипотцой. Многие режиссеры, особенно Петр Наумович Фоменко и Роман Григорьевич Виктюк, пользовались моим голосом как музыкальным инструментом, даже заставляли меня играть голосом — где-то говорить выше, где-то низко, где-то переходить на шепот. Голос ведь и правда инструмент человека, только у кого-то это скрип-

ка, у кого-то гобой. У меня, думаю, ближе к виолончели.

— А в ролях «виолончель» не мешает?

— Наоборот. На сцене помогаешь себе всеми частями тела. Причем у актеров это происходит помимо их воли, само собой. Я, например, когда играла «Двойру» или Скирину в «Турандот», реально говорила высоким голосом. Никто не мог понять: «Да это ж не ты!». Сейчас, когда играю Нину Заречную, именно в этом куске говорю в высоком регистре. Начинаю играть Аркадину — и тут же ухожу на низы. Как у каждого инструмента есть свои тоналности, так и в зависимости от роли голос меняется. Хотя, конечно, все предпочитают общаться и работать со мной в субконтракте — почему-то им кажется, что это выразительно, глубоко и сексуально. Я никогда об этом не задумываюсь — дал мне Господь такой голос, значит, так и надо.

— Зато и смех должен быть выразительным...

— Тут не угадаешь. Кто-то любит, как я смеюсь, кто-то, наоборот, считает, что это слишком — смеюсь громко, от души, и многим кажется это неприличным. Когда прихожу тайком посмотреть какой-нибудь спектакль, актеры ме-

ня вычисляют по смеху. «Ну, понятно, Рутберг в зале» (смеется). Мне просто кажется, что идя в театр, нужно быть нормальной публикой. Любители вышеслушивать блох всегда найдутся. Но это ужасно. Я не на работу прихожу. Хотя смотреть, как играют другие, — тоже часть профессии, но стараюсь поддерживать коллег.

— Неужели на рекламе кухни все и закончилось?

— Нет. Пригласили на ТВ-6 «женским голосом». И поначалу я писала много программ, а потом почему-то меня (смеется) оставили только на триллерах и эротических фильмах. Больше ничего не доверяли. Да и сейчас много чего озвучиваю — например, пишу закадровый текст в документальном фильме, моим голосом записаны «объявы» журнала. Вот так, помимо своей воли, я попала в список тех, к кому обращаются за озвучкой.

— Не приходилось терять голос?

— Приходилось, еще как. Если у тебя есть врожденный изъян, то это твоя ахиллесова пята. Именно здесь ты быстрее, чем другие, теряешь квалификацию, именно здесь спотыкаешься чаще всего. Одно время постоянно теряла голос, имела беседы с фоноистом.

Голос — такая же мышца, ее нужно тренировать с помощью набора упражнений. У меня в определенный момент количество перешло в качество — я столько играла, что аппарат был взнузданный. Как ни странно, панацеей оказалось пение. Те самые вокальные занятия, которые позволяют не переносить все на горло, а петь и говорить с помощью косых мышц живота — они меня и спасли. Кроме того, у нас в театре есть уникальный человек — музыкальный руководитель Татьяна Николаевна Агаева, которая научила и сделала выразительными очень многих актеров, хотя они считали себя полной патологией, как и я. Когда на первом году моего пребывания в театре меня распределили в «Закат», там было три музыкальных номера, я отбрыкивалась как могла: «Нет, нет, о чем вы говорите?!». «А что такое?» — спросила Татьяна Николаевна. «Я профнепригодна». «Кто вам это сказал?».

В общем, первые две репетиции я выла как белуга. Она нажимала мне две ноты, а я ничего не могла спеть. Кончилось тем, что мы с успехом выпустили «Закат», потом были «Французские песни», потом «Трехгрошовая опера»... Очень важно, когда человек снимает с тебя комплексы, выводит

из пятого угла. Мне в этом смысле очень повезло. Есть люди, которые, наоборот, считают своим долгом тебя окончательно опустить, доказать, что ты урод и хуже тебя нет никого.

— Но ведь не сразу же вам встретились такие замечательные профессионалы. Неужели ни разу не отчаялись?

— Во-первых, отчаиваться — значит, ничего не делать. Во-вторых, чем больше нервничаешь, тем хуже голос. Я сейчас вот тоже с надорванным голосом — такой форс-мажор был. Мы за восемь дней сделали спектакль в Санкт-Петербурге. Можете себе представить — я просто час пятьдесят пять минут вместе с остальными не схожу со сцены. Там и Шарлотта, и Фирс, Нина и Аркадина, Сарра, Раневская, Ирина. Такие головные нагрузки, что можно сойти с ума. После этого приехала в Москву, сразу были съемки, потом спектакли. Устала как собака!

В середине разговора в буфете появляется актриса Вахтанговского Мария Аронова. Рутберг несет к подруге с криками: «Масянька!», жизнерадостно обнимает ее, а потом более сурово добавляет: «Ты на репетицию-то идешь сегодня? А то мы там вчера все придумали...». Еще минут пять актрисы обсуждают проблемы со связками, потом расходятся, поцеловавшись.

— Вы о себе однажды сказали: «Меня как характерную актрису поставили на пьедестал». Не страшно было с этого пьедестала спускаться в сериалы?

— Я так не люблю пьедесталы. Все, что стоит на пьедестале, оно мертвое, застывшее, и единственная перспектива для него — покрываться патиной. Так что вряд ли это сказала я. Но тем, кто меня туда поставил, спасибо за признание. Я стараюсь использовать разные грани, и сериалы тоже. И потом, Валере Тодоровскому удалось сделать одну сложную, но парадоксально простую вещь. Он дал возможность работать в сериалах крепким режиссерам, они стали брать хороших артистов. Другого кина, ребята, сказал он, пока нет, потому что нет денег. Кто сможет сниматься у Соловьева — считайте, что вам повезло. А так — это ваша жизнь. Хотите проводить ее на пьедесталах, стойте там. А хотите работать и получать деньги — тогда давайте думать вместе. Мне показалась эта позиция продуктивной, да и платят в сериалах больше, чем в театре. Надо же на что-то жить, чтобы позволять себе такую роскошь, как играть в государственном театре практически бесплатно и репетировать по восемь-девять часов в сутки. Так что я рада, что в моей жизни есть эта возможность.

— Любимая роль в сериале есть?

— Ну, самая серьезная работа — это «Московские окна» Александра Аравина. Не знаю, почему к нему предъявляли претензии — что он прокоммунистический. По-моему, достаточно проследить линию моей героини. Она не коммунистка, она диссидентка, и на самом деле просто пытается вырваться из этой уравниловки и нормально проживать жизнь. (Эмоционально) Что ты слесарь, тебе платят 120 рублей, что кандидат наук — и ничего ты не сделаешь! У нее и предательств не было. Да, морфий воровала. Но не больше. Она даже своего влиятельного любовника бросила, когда узнала, что тот предал друга, с которым прошел всю войну. А сейчас мы снимаем продолжение — так у меня там вообще материала втрое больше, чем было. Есть что поиграть.

— Успеваете?

— (Внушительно) Успеваю.

— Не сложно после театра
вживаться в сериальный ритм
работы?

— Это другой график. Вдруг с ужасом начинаешь понимать, что должен выучить непомерное количество текста! Снимается по три-пять огромных сцен в день. Но память — тоже мышца, ее можно натренировать, как и голос. А когда привыкнешь — гораздо все интереснее. Я получила большое удовольствие, работая в «Фаталистах» с Александром Абдуловым и Ириной Розановой — замечательные партнеры. Последний день мы провели с Андреем Ростокиным — я первый раз в жизни была с ним на одной съемочной площадке. Такой симпатичный был человек, очень... Мне запомнились на всю оставшуюся жизнь три дня, проведенных с Валерием Приемышовым, мы с ним столкнулись в сериале «Каменская». Это все кусочки жизни.

— Неужели все так гладко —
снялись, включили телевизор,
и все в себе нравится?

— Ну почему... Например, в «Империю под ударом» у меня много претензий к себе. Там все как-то странно: одну серию — одиннадцатую — снимал один режиссер, следующую — другой. Вот там, где одиннадцатая, у меня к себе куча претензий. А в двенадцатой все как-то вдруг выстроилось и срослось. Вообще мне все равно было интересно играть — люблю исторические фильмы. Современное — вот оно, вокруг тебя. А так, чтобы костюмы, грим — это редко. (Мягко) Мне это все нравится, знаете, как в детстве, когда наряжаешься в мамино платье и что-то изображаешь.

— Ляпы часто случаются?

— Ну, конечно, часто. Путается текст, оговорки возникают смешные, идиотские. Иногда вдруг упадет световой прибор. Или сцена не заладилась. А то артист входит в клинч и пятнадцать раз делает ошибку в одном и том же месте. Тогда устраивается перерыв (точнее, перекур) — иначе человека не переклинист. Но привыкаешь же. Это работа, я отношусь к ней нормально, уважительно, понимаю, что качество этой работы зависит во многом и от меня. Поэтому стараюсь принимать участие в сценарии. Мы делаем это вместе с режиссером и партнерами. Честь и хвала режиссерам, которые позволяют артисту быть сотворцом. Когда начинают ограничивать — это невыносимо. Жесткая режиссура, конечно, дело хорошее, но не в сериальном потоке. Ведь образ может быть умозрительным для режиссера, а актер точнее бывает в придумке, как соткать другого из самого себя. Он свой организм знает лучше.

— То есть вы — актриса, которая создала себя сама, режиссеры тут ни при чем? И казусы типа одиннадцатой и двенадцатой серии — чистая случайность?

— Создали меня все-таки мама с папой, а я просто сотворец своей судьбы. Много сделала сама. У меня никогда в жизни не было никаких менеджеров, продюсеров. Я стартовала вместе со всеми однокурсниками, и только умения, знания, возможности могли мне помочь. Хотя, конечно, очень повезло с режиссерами. Меня сделали, сформировали, дали воздушную подушку, за счет которой я живу и подпитываюсь, великолепные мастера: Петр Наумович Фоменко, Роман Григорьевич Виктюк, Владимир Мирзоев, Андрей Жолдак...

— На сколько процентов вот
этот великий мастер, режиссер
может сделать актера?

— Ну, например, в таких тандемах, как Александров-Орлова — на

С сыном
Гришей.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

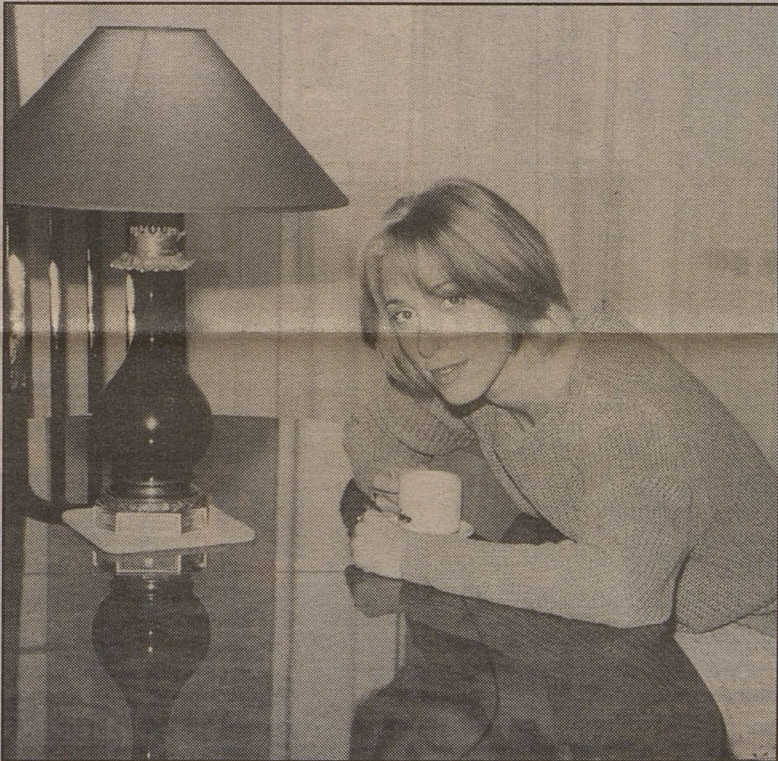

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

В спектакле
«Фрекен Жюли».

ФОТО МИХАИЛА ГИТЕРМАНА

100 процентов, Мазина-Феллини — на 150.

— А в вас сколько?

— Когда с кем. Думаю, что очень сильно на меня повлиял Петр Наумович Фоменко, процентов на 80. Он оформил мое первое представление о театре. То, что сделал для меня Черниковский, вообще неоценимо — он дал мне первую роль, и ему я стопроцентно обязана тем, что моя судьба началась так, а не иначе. Андрюша Жолдак для меня начал двадцать первый век.

— А сейчас кто вкладывает
свои проценты?

— Гриша Козлов! Просто радость, что я его встретила. Чувствую себя очарованным странником. Вслед за Радищевым совершила путешествие из одной столицы в другую, только повернув колеса в обратную сторону. И когда меня спрашивают: «Вы не сошли с ума, Юля? В Москве работаете без продыху, теперь еще и Петербург?», я отвечаю, что встретила удивительную труппу. И езжу я туда не то что за свежим воздухом, не за духовной пищей — слова все какие-то затертые. Просто мне там очень хорошо. Мы настолько понимаем друг друга, это настолько тот театр, который я обожаю, сотворчество взрослых, умных, талантливых людей. У Гриши Козлова есть уникальная способность собирать вокруг себя необычных артистов. Он особой нервности человек, и далеко не все с ним могут сосуществовать. Но он создает атмосферу доверительности. Когда очень многое решается не словесно, а на уровне «Легкого дыхания». Это же потрясающе! Когда люди не боятся ошибаться, предлагать, выглядеть неуклюжими, вообще не думают, как они выглядят.

Юлия Рутберг оживилась и заговорила энергично, мечтательно. Сейчас ее профессия сосредоточена для нее на спектакле по Чехову, сыгранном в Питере. Ради него она сорвала голос, пожертвовала какими-то репетициями, бросилась в то, что многим кажется авантюрой...

— Это такой смех, вы не представляете! Мы репетировали Чехова в Болгарии, в зале гостиницы, 20 дней. Август-месяц, жара 40 градусов. Естественно, все легко одеты, я вообще в каком-то топике, в бриджах. Только наш любимый Сергей Бехтерев всегда был в брюках и в ботинках. Мы этот процесс на камеру засняли, и только когда приехали и стали смотреть запись, поняли то, в чем не отдавали себе до этого отчета: мы репетировали Чехова в шортах и в майках! Искали природу мытарств души человеческой, решали вопросы жизни и смерти — и все в шортах и в майках (смеется). Сейчас вот выпустили этот спектакль на Литейном за восемь дней. Все делалось очень быстро, некоторые костюмы готовились в последний день. И это было поразительно. Все нам помогали. Однажды утром проснулась и почувствовала — не могу ходить, настолько велика физическая усталость. Но чем ближе к премьере, тем заметнее крепчал мой чахлый организм. И я играла на втором, третьем дыхании и была счастлива.

— Существует поверье, что
если человека резко разбудить,
он так и останется в своем сне и
никогда больше не проснется.
Не боитесь однажды остаться в
роли?

— Я обратила внимание на удивительную деталь, когда читала Михаила Чехова. У него есть рассказ о том, как он играл Гамлета. В самые тяжелые моменты роли он отворачивался от зрительного зала, показывал актерам язык и кор-

чил рожи. При том, что только-только закончил монолог «Быть или не быть». Артист не должен заигрываться, не должен входить в состояние транса. Мы все шизофреники в той или иной степени. Подвижка психики очень большая. У меня был такой прецедент. Когда я играла в «Фрекен Жюли», первые три спектакля к концу я потихоньку сходила с ума. И меня об этом предупредили — еще два спектакля, и можно в психушку. Поэтому даже в самые трагические моменты нужно понимать, что ты играешь и что этот ужас и кошмар происходят не с тобой. Иначе тебе можно давать справку, что ты «ку-ку».

— Случалось, что предлагали
сценарий, вы отказывались, а
потом видели фильм и думали
— и чего я сглупила?

— Нет, такие вещи обычно чувствуешь сразу. Например, в «Семейных тайнах» на роль Татьяны Лена Цыплакова никак не могла выбрать актрису. Разрывалась между Оксаной Мысиной и мной. «Девочки, не знаю, что делать!». И когда она сказала, что выбрала Оксану, у меня ни на секунду не было мысли: «А почему не я?». Нельзя съест все прыжки — лопнешь. Оксана отлично сыграла, эта роль раскрыла ее для огромной аудитории.

— Часто приходится отказы-
вать?

— Сейчас — да. Особенно когда меня зовут как обложку, как конфетную обертку. Провоцируют: «Да это такое будет, да ты такая клевая...». Спасибо, как-нибудь сама.

— Есть знаменитый анекдот
про актера, отказавшегося с-
ниматься у Спилберга из-за
елок... Ни разу не приходилось
оказываться в подобной ситуа-
ции?

— Ну, в похожей. Была на пробах у Питера Гринуэя, а вся роль — на лошади. Я их дико боюсь, упала когда-то. Много лет был в восторге от фильмов Гринуэя, но я сразу честно сказала — не смогу. Да, безумно престижно попасть к Гринуэю, но это еще не все! Хотя я горжусь тем, что с ним пообщалась. Как была рада, что пообщалась с Некрошюсем. Мы с ним проговорили двадцать минут. Не заглядываю вперед, не думаю о том, что будет, но для меня даже сам контакт с великим человеком важен.

— Вас критики называют вах-
танговской «Леди Выпенд-
реж»...

— (Смеется) Да. Александр Соколянский учудил. Когда это прочел Михаил Александрович Ульянов, он рассмеялся: «Я считаю, тебе надо пойти на какую-нибудь премию и предложить им эту номинацию. Такого еще не было — патентуй». Ничего зазорного, кстати. Все-таки люди!

— Вы сейчас ведете програм-
му «Вера. Надежда. Любовь».
Не боитесь растиражировать
себя?

— Еще раз повторяю — для меня телевидение, как и кино, — средство зарабатывания денег. Гордая актриса, позволяющая себе играть только Шекспира и Чехова, должна быть замужем за богатым, иначе она гордая, но голая. У меня есть семья, родители, сын, муж, и я не хочу быть нищей.

— О вас не скажешь «сенти-
ментальная женщина». Скорее
— властная, суровая...

— Когда смотрю фильм «Летят журавли», я как все плачу. Когда рядом папа, мама и сын — улыбаюсь. Нежно люблю своего мужа. Обожаю раду. Профессия, возможно, накладывает свой отпечаток, но — с волками жить, по-волчьи выть.

Встречалась Ника ДРАБКИНА